

ДО СКОРОЙ ВСТРЕЧИ!

Учитывая, что интерес к проблемам космографии возрастает поистине в астрономических масштабах, редакция «Искателя» решила взять интервью у некоторых членов многопланетной солнечной семьи. Как удалось это осуществить — редакционная тайна. Скажем только, что были применены самые новейшие средства: телескопические, радиотелескопические и даже телепатические. И вот перед вами — первое интервью, взятое у Луны нашим корреспондентом Глебом Голубевым.

Рисунки В. Стацинского

3 — Здравствуйте, дорогая Луна! Мне поручили побеседовать с вами, и я рад выполнить задание редакции. Всего несколько вопросов, не возражаете?

— Хоть тысячу. Вы не представляете, как скучно в полном молчании миллионы лет кружиться вокруг Земли и даже словечком с ней не перебраться. Правда, до меня долетают ваши радиоволны, но ответить — увы! — я пока не могу. А как хотелось бы передать на Землю мою глубокую благодарность за чудесные подарки: за вымпел-сувенир, принесенный мне советской ракетой 13 сентября 1959 года, и особенно за превосходную фотокарточку. Я отлично на ней выгляжу, не правда ли?

— Великолепно! Нет, пожалуй, на Земле человека, который бы не любовался вашей фотографией. Скажите, а вам не жалко, что последняя ваша тайна раскрыта?

— Вот как! Вы считаете, что это последняя моя тайна? Плохо же вы меня знаете.

— Но...

— Да, да, я знаю, что некоторые ваши ученые говорят, будто моя поверхность им теперь известна лучше, чем поверхность собственной планеты — Земли. Конечно, со стороны виднее. Но ведь речь идет только о моей наружности, а внешность бывает обманчива, не так ли? А откуда я взялась, вы знаете? Не считаете же вы меня какой-то вечной старухой! И я была молода, и у меня были детство, юность, молодость...

— Простите за нескромный вопрос: когда вы родились?

— А я просто не знаю. Об этом среди ваших ученых до сих пор идут горячие споры. Одни считают меня дочерью Земли, некогда оторвавшейся от нее и ставшей ее естественным спутником. Другие, наоборот, видят во мне пленницу Земли, залетевшую по неосторожности в сферу ее притяжения. Третьи — теория академика О. Ю. Шмидта — считают, что я образовалась из газопылевого облака.

— А какая же из этих гипотез все-таки справедлива?

— Не знаю. Кто же помнит обстоятельства своего рождения? Это придется выяснить вам, дорогие земляне. Да и с внешним моим обликом тоже далеко не все ясно. Откуда взялись эти оспинки, придающие такое неповторимое своеобразие моему лицу? Что же это все-таки — настоящие вулканические кратеры или гигантские ямы от ударов метеоритов? Откуда появились на моей поверхности кратеры и цирки, в каждом из которых свободно могли бы разместиться некоторые из европейских государств? Чтобы объяснить их происхождение, создавались самые различные гипотезы: и вулканическая, и метеоритная, и гейзерная, и приливная, и ледяная. Теперь, кажется, остались в живых только две из этих гипотез: метеоритная и вулканическая. Но тем ожесточеннее, я вижу, стали споры между их сторонниками. А на посвященном мне международном симпозиуме, который происходил в декабре 1960 года в Ленинграде, была выдвинута еще одна гипотеза — кумулятивная. Она относит появление кратеров к тем временам, когда моя поверхность якобы была еще в стадии затвердения.

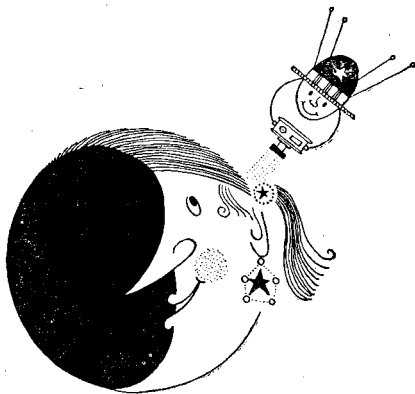
— Какая же из них правильна?

— Попробуйте разобраться сами. Могу без ложной скром-

ности сказать, что это принесет вам немалую пользу. Изучение моей биографии поможет вашим ученым лучше разобраться и в земных делах.

— Это каким же образом?

— Разве вы не слышали, что некоторые геологи называют меня наглядным пособием? Как ни отличаются мои природные условия от тех, какие существуют на Земле, прикрытой прозрачной броней атмосферы, материя-то, из которой состоят небесные тела, одна! Все мы создаемся и развиваемся по одним и тем же законам природы. Потому-то, изучая меня, вы лучше узнаете и свою собственную планету — как бы смотрите на нее со стороны. Вот, например, за последние годы ваши геологи стали все чаще задумываться над причудливым узором цепей в Арктике. Почему они напоминают своим рисунком «паутину», центр которой находится в Канаде? Я могла бы подсказать ответ на этот вопрос.

— Подскажите, мы вам будем очень благодарны.

— Вы присмотритесь внимательнее к венцу белых лучей, расходящихся во все стороны вокруг моего кратера Тихо де Браге. Не напоминают ли они вам ту же картину, что и «паутина» горных хребтов в Арктике?

— А что это означает?

— Ваши ученые уже начали догадываться. Это следы исплинских разломов коры планеты. Они показывают, где происходило выпирание из недр планеты на ее поверхность древнейших ультраосновных пород. А это подсказывает геологам, где именно следует искать те или иные полезные ископаемые, не так ли?

— Да, это весьма ценные указания. Но не расскажете ли вы, дорогая Луна, какие природные богатства поджидают нас в ваших подземных кладовых? Я слышал, что ученые предполагают, будто на некоторых участках вашей поверхности есть огромные выходы чистой серы?

— За последние годы на меня, кажется, перестают смотреть как на голый и мертвый шар, окрашенный в какой-то монотонный серый цвет. Это меня очень радует. Такой мрачной я никогда не была, и ваши цветные фотографии моей поверхности, кажется, наконец, открыли вам глаза на мое истинное лицо. На этих цветных фотографиях я выгляжу, право же, совсем молодо и даже празднично... Разве можно не залюбоваться пестротой красно-фиолетовых, зеленоватых и розовых пятен? А ведь пестрота их, конечно, не случайна. По разнице в цвете ученый может судить о различии горных пород, образующих мою кору.

Скажу вам даже больше: в различные времена года окраска некоторых участков моей поверхности заметно меняется, и это должно подсказать ученым, что и на моих суровых просторах вполне возможна жизнь.

— Как? Но ведь у вас царят ужасающие перепады температур от 150 градусов мороза ночью до палящей 115-градусной жары днем! У вас совершенно отсутствует атмосфера...

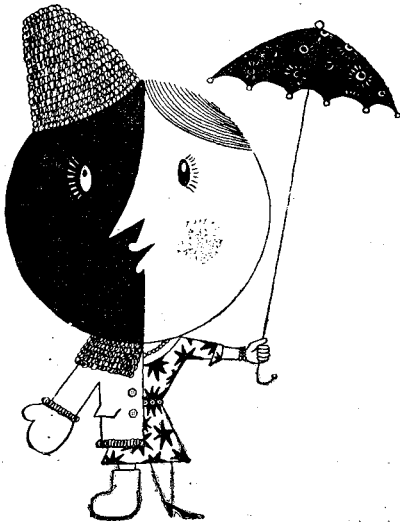
— И все-таки жизнь побеждает! Разве вам на Земле не известны бактерии, способные жить в кипящих сероводородных источниках или во льдах Арктики? Разве вы не слышали о том, что даже в некоторых метеоритах, занесенных на Землю из космических просторов, ученые недавно обнаружили следы жизни — органические вещества?.. Советские ученые поступили весьма предусмотрительно, приняв меры к тому, чтобы ракета, доставившая мне первый вымпел с Земли, не занесла на мою поверхность какие-нибудь земные микроорганизмы. Это могло бы весьма запутать дальнейшие исследования.

— Может быть, мы найдем там и мыслящую материю?

— Вам очень хочется встретиться с селенитами? А почему вы думаете, что меня населяют разумные существа?

— Но ведь кто-то построил Прямую Стену...

— Боюсь, что в этом вас придется разочаровать. Вы же сами говорили, как суровы мои природные условия. Для жизни разумных существ они совсем не подходят. Недаром вашим ученым приходится крепко ломать голову над тем, как обезопасить первых гостей, которые ступят на мою поверхность, от губительных скачков температуры, от космических лучей и метеоров, днем и ночью обрушивающихся на меня из просторов вселенной.

Но не унывайте. Я приготовила для вас немало загадок и сюрпризов, хотя и не порадую гостей встречей с разумными братьями землян. Вот вы помянули Прямую Стену. На фотографиях она действительно выглядит весьма эффектно — отвесная стена, пересекающая Море Облаков почти на протяжении ста десяти километров. Она образует такую прямую линию, словно и на самом деле выстроена какими-то разумными существами по чертежам, с помощью линейки. Ну, а если ее создала природа — разве это не менее интересно?

А знаменитая Альпийская Долина, весьма подозрительно, по мнению ваших ученых, похожая на гигантскую бороз-

ду, оставленную ледником? Или по моей поверхности когда-то, как и на Земле, текли реки и сползали с гор ледники? Но почему в таком случае эта загадочная долина на Луне одна-одинешенька?

— Но подождите, дорогая Луна, нельзя же все время только загадывать загадки...

— Почему же? Вы хотели узнать мои тайны? Вот я и выкладываю их. А разгадывать уж попробуйте сами. Во всяком случае, вы, надеюсь, убедились, что о полной изученности даже моей поверхности говорить несколько преждевременно. А точное знание строения моей поверхности стало для вас теперь задачей неотложно-практической.

— Почему?

— Вы, вероятно, в самое ближайшее время навестите меня. А куда придется садиться вашим ракетам: на скалы, в многометровую толщу пыли или на такой же толстый слой метеоритных осколков? Тут ведь до сих пор между вашими учеными идут горячие споры. Скажем, последние исследования В. Троицкого позволяют считать, что мой поверхностный слой состоит из очень легкой пористой массы. Радиоволны отражаются от моей поверхности с такой же легкостью, как от зеркально-гладкого шара. А световые лучи показывают, что поверхность моя вовсе не идеально ровная, а весьма шероховатая.

— Какова же она на самом деле?

— Загадка была довольно хитрой, но ваши ученые разобрались в этом кажущемся противоречии. Они пришли к правильному заключению, что неровности моей поверхности в таком случае по своим размерам должны быть больше длины световых волн, но меньше, чем длина радиоволн, то есть не более дециметра в поперечнике.

— Но ведь это весьма расплывчато...

— Да, пока не слишком точно. Под такие размеры может подойти и песчинка и довольно увесистый камешек. Все это необходимо точно выяснить и учесть заранее, не так ли?

— А не могли бы вы помочь нам в этом?

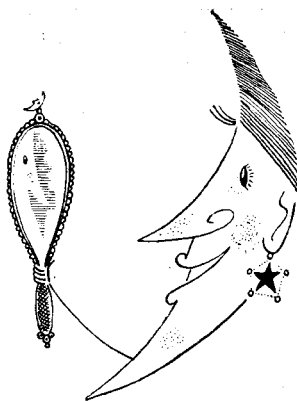
— К сожалению, нет. Как неотъемлемая часть природы, я обязана свято хранить свои тайны, иначе на свете стало бы скучно жить! Это дело людей — открывать тайны природы. Достаточно того, что я не прячусь от гостей за поясами радиации, как Земля. Это вы уже смогли выяснить.

— Да, совершенно верно, ведь у вас нет магнитного поля, которое захватывало бы в свою ловушку космические лучи...

— В сообщениях ваших ученых об этом говорится более осторожно: магнитное поле практически не обнаружено...

— А разве это не одно и то же?

— Не совсем. Как вы, надеюсь, знаете, сейчас наиболее распространены гипотезы, связывающие земное магнитное поле

с процессами, которые происходят в расплавленном ядре вашей планеты. Но и я не так холодна, как еще недавно считали ученые. Осенью 1958 года пулковские астрономы Н. А. Козырев и В. И. Езерский подметили выделение горячих газов из моего кратера Альфонс и даже сфотографировали этот редкий момент. А наблюдения В. Троицкого показывают, что температура моего поверхностного слоя с глубиной возрастает. Из этих наблюдений может быть только один вывод: в недрах моих бушуют такие же огненные силы, как и у Земли. Почему же в таком случае я лишена магнитного поля?

— Простите меня, но какое-то странное получается интервью. Вопросов задаете больше вы, уважаемая Луна, чем я.

— Вы правы. И отвечать на них придется вам самим, людям. Признаться, меня немного обижает, когда в земных газетах и журналах пишут обо мне главным образом как о подходящей базе для дальнейших полетов в космос. Это, конечно, верно. Сила моего притяжения в шесть раз меньше земного — значит, чтобы покинуть меня и вырваться в космос, нужны гораздо меньшие скорости и, значит, меньше затраты энергии. И когда-нибудь я, несомненно, превращусь для вас в природный космодром, где ваши ракеты будут делать остановку для заправки топливом перед дальними путешествиями.

И для астрономических наблюдений природа подготовила меня лучше, чем вашу родную Землю. Наблюдениям с моей

поверхности совершенно не будет мешать такой светофильтр, как ваша земная атмосфера. Все это особенно влечет ко мне ваших ученых.

Но разве сама по себе я для вас не привлекательна? Разве мало у меня манящих загадок и тайн? Прошу пожаловать ко мне за разгадками! Обещаю, что от смельчаков, которые первыми ступят на мою поверхность, я не скрою ничего. И знаете, я уверена, что этими первыми будут люди, с которыми я уже немножко знакома по вымпелу с гербом Советского Союза, по атласу с моими уникальными фотографиями, объяснения к которым даны на русском языке... Так что до скорой встречи, друзья!

